

ВОСНОВСНОЕ ЧАРСТВО.

ВОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

СЪ ЕГО

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИМИ И НАДГРОБНЫМИ НАМЯТНИКАМИ,

РАСКОПНЫМИ ВАЗАМИ,

ПЛАНАМИ, КАРТАМИ И ВИДАМИ.

СОЧ.

АЛЕОГА АЛЕОГА,

Директора Керченскаго музея, состоящаго въ вѣдѣніи Министерства иностранныхъ дѣлъ и члена разныхъ ученыхъ обществъ.

ЧАСТЬ III.

L'antiquité païenne est un champ sans
maître, qui appartient au premier occupant.

Res nullius, quæ occupantî concedantur.

ОДЕССА,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. НЕЙМАНА И КОМП.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Одесса, Декабря 16 дня 1848 года.

Ценсоръ В. Пазманъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Тотъ, кто желаетъ наслаждаться великими воспоминаніями прошедшаго, ѣдетъ въ Италію, въ страну могилъ, развалинъ и памятниковъ древности; ѣдетъ въ Италію, потому что не видѣлъ нашего благословеннаго Крыма, мало или вовсе ничего не знаетъ объ немъ. Въ самомъ дѣлѣ странно, что соотечественники наши отправляются за тридевять земель искать сильныхъ впечатлѣній, тогда какъ у насъ подъ рукою есть Кавказъ, есть Крымъ, гдѣ можно найти пищу уму и воображенію. Это происходитъ вѣроятно оттого, что Кавказъ и Крымъ еще мало намъ извѣстны: они ждутъ, чтобы рука опытнаго человѣка раскрыла богатые рудники ихъ исторической жизни. Говорю объ этомъ мимоходомъ, потому что подобный предметъ не входитъ въ составъ настоящаго вступленія. Я желаю набросать здѣсь нѣсколько страницъ собственно объ Керчи, возрастающей на пещелищѣ Пантикапей. За чѣмъ искать за границею древнихъ могилъ, развалинъ и воспоминаній, когда Керчь можетъ удовлетворить въ этомъ отношеніи самаго страстнаго любителя Археологій. Для этого, не говоря уже объ остаткахъ древняго зодчества и гробницахъ, описанныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ моего сочиненія, стоитъ только подняться на гору Митридата, гдѣ построенъ музей ('). Тутъ сдѣлана въ холугорѣ площадка и самая гора, которая въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ насыпей, срезана на пять сажень вышины. Кромѣ того, фундаментъ музея, глубиною болѣе двухъ сажень, лежитъ на наносной землѣ. Разсматривая эту насыпь, огромное кладбище минувшихъ столѣтій, невольно задумаешься. Здѣсь слои земли со смѣсью черенковъ ясно обозначаютъ прохожденіе вѣковъ. Въ верхней части горы зияютъ христіанскія гробницы, вѣроятно Генуэзцевъ, увѣнчанныхъ крестомъ языческія развалины. Черепы и кости человѣческія разбросаны по горѣ; словомъ, здѣсь ничтожество всего человѣческаго выражено вполнѣ. Дворцы, статуи, люди съ ихъ дѣяніями, все поглощено бездною времени, все стало подъ общій мо-

(') Часть I. р. IV.

гильный уровень. При видѣ этого страшнаго разрушенія, произведеннаго вѣками, мысли о прошедшемъ уносятъ душу антикварія Богъ вѣсть куда и приводятъ его къ весьма неутѣшительному результату сомнѣній и догадокъ. Да, гора Митридатъ въ Керчи есть мѣсто назидательное и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное для всякаго мыслящаго человѣка.

Лучшіе мраморные памятники, надписи и монеты найдены были въ разныхъ мѣстахъ этой горы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней скрываются еще остатки славы Пантикапеи. Въ этомъ году производились раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ существовала нѣкогда цитадель, и открыты были два мраморныя архитектурныя украшенія, р. 116 и 117. На самой вершинѣ горы дѣлались не безполезныя розысканія, обогатившія музеумъ разными монетами и мраморами. Здѣсь же, на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ саженъ, произведена была другая раскопка. На глубинѣ болѣе пяти саженъ встрѣтили материкъ и на немъ нашли множество плитъ и камней отъ разрушенной постройки, а не въ далекѣ отъ нея крышку мраморнаго саркофага, которую нашли возможнымъ обратить въ корыто для недавно устроеннаго фонтана, у стѣны лизиной рощи. Такъ мраморъ, который покрывалъ собою, можетъ быть, кости какаго нибудь славнаго вождя Пантикапеи, служить теперь для водопоя животнымъ. Какая странная метаморфоза!

Любопытно бы было опредѣлить первоначальный видъ горы Митридата, потому что на самой вершинѣ ея есть громадныя скалы, третичнаго образованія. Для этого нужно бы раскопать всю насыпь; — дѣло не возможное тѣмъ болѣе потому, что одна часть горы обсажена деревьями, прекрасно принявшимися, а другая застроена частными зданіями. Однако здѣсь еще есть много мѣстъ, которыя, такъ сказать, вызываютъ на розысканія заступъ антикварія. Кругомъ горы, неусыпною заботливостью главнаго начальника объ устройствѣ Керчи, устроенъ бульваръ, къ которому ведетъ великолѣпная каменная лѣстница, украшенная выточенными балясами, вазами и двумя изсѣченными изъ камня грифонами. Панорама всего керченскаго поморія, открывающаяся съ горы, въ тихій лѣтній вечеръ — восхитительна. Отсюда, какъ на ладони, представляется керченскій портъ съ проливомъ, покрытый лѣсомъ мачтъ. По бухтѣ скользятъ рыбачьи лодки, ялики съ купеческихъ судовъ и катера съ казенныхъ пароходовъ. Вдали виднѣтъ таманскій берегъ съ еанагорійскою крѣпостію, а еще дальше, какъ громовая туча, синѣютъ горы Анапскія. У самой подошвы горы Митридата, съ правой и лѣвой стороны, тянется дугою красивый европейскій городокъ, со всевозможными житейскими удобствами. Мы коренные, стародавніе жители Керчи, хотя и приглядѣлись къ этой величественной картинѣ, однако пріятно намъ порою сѣсть на площадку предъ музеумомъ и, глядя на поморіе, погружаться въ сладостныя мечты.

Но оставимъ Керчь съ ея блистательными торговыми надеждами, съ ея природою, чистымъ здоровымъ воздухомъ; возвращаюсь къ предмету, болѣе сродному съ моими чувствами и наклонностями. Керченскій музеумъ есть перлъ, вѣнчающій собою красоты природы, которыми изобилуетъ Крымъ. Въ немъ хранятся остатки древняго языческаго общества; остатки его величія и образованности. Нѣкоторые мраморные памятники наши, по изяществу своему, могли бы занять мѣсто въ бельведерской залѣ Ватикана. Замѣчательны также нѣкоторые памятники, которые я почитаю единственными; другіе, по своей рѣдкости, также очень интересны. Прежде всего упомяну о доскахъ деревяннаго катафалка, бывшаго надъ гробомъ одного изъ царей воспорскихъ (ч. II, § 20). Діодоръ, описывая погребальную колесницу, на которой привезли тѣло Александра въ Египетъ, говоритъ, что саркофагъ, заключавшій въ себѣ останки царя, былъ съ золотою крышкою. Вѣроятно въ древней Греціи, надъ саркофагами дѣлались нѣкотораго рода деревянные покровы или чахлы — *χαλυπτῖρ*. Во время нашихъ розысканій мы находили деревянные гробы, обшитые свинцомъ; обшивка эта, составляющая сама по себѣ рѣдкое явленіе въ греческой древности, должна почитаться исключеніемъ изъ общаго правила устраиванія катафалковъ или кенотафовъ надъ гробницами. Впрочемъ, не въ способъ употребленія этихъ досокъ заключается ихъ главное достоинство: онѣ драгоценны для антикварія и для исторіи художествъ тѣмъ, что украшены живописными изображеніями на бѣломъ грунтѣ. Изображенія эти, о которыхъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, покрыты: желтою, красною, голубою, зеленою и черною красками, употреблявшимися, вмѣстѣ съ бѣлою, въ Египтѣ, въ древней Греціи и въ Сициліи. Доски наши составляютъ единственный и драгоценный остатокъ древней греческой живописи на деревѣ, уцѣлѣвшей отъ разрушительной силы времени. Конечно, для насъ уже нѣтъ надежды приобрѣсти что нибудь изъ огромнаго числа картинъ, произведенныхъ Греціею во всѣ эпохи ея историческаго бытія и во всѣхъ мѣстахъ ея владычества. Знаменитыя произведенія школъ: аѣинской, коринеской, сиціонской, азійской и Великой-Греціи, погибли безвозвратно. Мы знаемъ, однако, что у Грековъ была разнаго рода живопись: крашенымъ воскомъ (*à l'encaustique*), водяными красками съ клеемъ, (*en détrempe*) и наконецъ способъ писанія однообразнымъ колоритомъ (*teinte plate*).

Всѣ лучшія картины были перевезены изъ Греціи и Азіи въ Римъ, гдѣ находились во времена Плинія и гдѣ, наконецъ, погибли, и мы можемъ заключать объ нихъ только по нѣкоторымъ рѣдкимъ описаніямъ авторовъ, часто одно другому противурѣчающимъ. Рисунки, приобрѣтенные изъ развалинъ городовъ греко-римскихъ, долго покоившихся подъ лавою Везувія, не могутъ намъ дать полнаго понятія объ искусствѣ Грековъ въ живописи, потому что картины эти исполнены были артистами посредственными и при-

надлежать къ эпохѣ, близкой временамъ упадка искусствъ. Памятники живописи, открытые въ Помпей и въ Геркуланумѣ, имѣли дурное вліяніе на образъ сужденія антикваріевъ о вкусѣ, стилѣ и средствахъ исполненія Грековъ въ живописи; не было конца спорамъ археологовъ, изъ которыхъ нѣкоторые утверждали, что въ лучшія времена Греціи не существовало другой живописи, кромѣ стѣнной, исполнявшейся первостепенными артистами. Противъ этой, довольно странной, гипотезы вооружился неутомимый поборникъ археологической истины — Рауль-Рошетъ и доказалъ фактически, что лучшія произведенія живописи греческихъ художниковъ были преимущественно на деревѣ ⁽¹⁾. Изслѣдованія Рауль-Рошета объ этомъ предметѣ имѣли показались столь любопытными, что я полагалъ не излишнимъ помѣстить самое краткое извлеченіе изъ нихъ при описаніи рисунка, виднаго на нашихъ доскахъ. Нашъ памятникъ, какъ будто нарочно вызванъ на свѣтъ пылливостью человека, чтобы служить свидѣтелемъ рисованія Грековъ на деревѣ.

Второй памятникъ, почитаемый единственнымъ, есть деревянный гробъ, рѣзной работы, украшенный позолотою, рѣзными фигурами и слоновою костью, вставленномъ въ дерево. Столярное искусство обнаружилось рано у Грековъ въ полной мѣрѣ его развитія; примѣромъ этого служитъ ларецъ Кипселуса, изъ кедроваго дерева, украшенный рельефными фигурами, вырѣзанными въ самомъ деревѣ, и накладными изъ золота и слоновой кости. Столярное и наборное искусство развивалось въ одинаковой степени съ скульптурою изъ дерева. Посредствомъ дерева, изрѣзаннаго въ тончайшіе листы, Греки производили наборную работу, достойную соперничать съ живописью. Эта удивительная работа была въ такомъ вкусѣ и родѣ, какъ мы видимъ ее нынѣ въ итальянскихъ церквяхъ, построенныхъ во время возрожденія искусствъ. Третій памятникъ, если не единственный, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно рѣдкій, есть превосходная ваза р. Н. Винкельманъ и Висконти, изъ текста Пиндара о нѣкоторыхъ особыхъ глиняныхъ, расписныхъ вазахъ, вывели заключеніе, что греческій поэтъ говоритъ здѣсь объ обыкновенныхъ расписныхъ вазахъ; потомъ, слѣдуя нелѣпому истолкованію этого текста какимъ-то схолиастомъ, было рѣшено, что слова Пиндара относятся къ бронзовымъ вазамъ, искусно выдѣланнымъ. Этотъ неправильный выводъ, нѣкоторые филологи, а въ числѣ ихъ и Велькеръ, замѣнили мнѣніемъ, что текстъ Пиндара намекаетъ на амфоры панаэонаическія. Но саламинская ваза и обломки вазы, найденныя въ Ченторбѣ, на которыхъ одежда фигуръ покрыта разногo цвѣта краками, явились какъ фактъ, ясно доказывающій, что упоминаніе Пиндара относилось къ вазамъ, подобнымъ

(1) Peintures antiques inédites précédées de recherches sur l'emploi de la peinture dans la décoration des édifices sacrés et publics chez les Grecs et chez les Romains. Raoul-Rochette. Paris 1836.

образомъ раскрашенныхъ. По открытіи этихъ памятниковъ вспомнили о вазѣ, давно находившейся въ кабинетѣ покойнаго Дюрана, и на которую сначала мало обратили вниманія; на ней фигуры сдѣланы восковыми красками. Рисунокъ этотъ такъ поврежденъ, что о способѣ его исполненія нельзя положительно заключить. Ваза, найденная въ Керчи въ 1834 году, съ рисунками, сдѣланными восковыми красками, также дурно сохранилась; слѣдовательно наша ваза р. II, исполненная въ стилѣ саламинской вазы, есть самый лучший памятникъ греческой керамографіи, найденный на предѣлахъ греческой цивилизаціи — въ гробницахъ Пантикапеи; онъ вполне подтверждаетъ слова Пиндара о вазахъ, раскрашенныхъ со всею роскошью искусства.

Можно также упомянуть и о вазѣ р. IV, на которой изображена смерть Пріама: къ ней прилѣплены рельефныя фигуры. Подобныхъ вазъ нѣтъ ни въ одномъ изъ европейскихъ кабинетовъ. Не должно смѣшивать однакожъ нашей вазы съ расписными глиняными сосудами литыми, на которыхъ оттискивались рельефныя фигуры. О пластической работѣ древнихъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ; замѣчу только здѣсь, что она составляла важную отрасль искусствъ въ Аѳинахъ и Этруріи.

Не говоря о другихъ рѣдкихъ памятникахъ, помѣщенныхъ въ коллекціи рисунковъ этой III части, упомяну наконецъ о прекрасномъ медальонѣ, р. I, который, собственно по себѣ и по сюжету на немъ изображенному, составляетъ археологическую рѣдкость. Относительно серебряныхъ барельефовъ, употреблявшихся для украшенія стѣнъ и къ разряду которыхъ принадлежитъ, вѣроятно, нашъ медальонъ, можно указать на дискъ, представляющій опечаленную Федуру. Онъ найденъ былъ въ одномъ изъ домовъ Геркуланума, вмѣстѣ съ другими двумя барельефными изображеніями, покрытыми серебряными листами, подобно нашему медальону, который однако относится къ греческой эпохѣ Пантикапеи.

Къ этой III части моего труда я присоединилъ рисунки лучшихъ памятниковъ нашего музеума, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рисунки нѣкоторыхъ другихъ вещей, которыя находятся въ эрмитажѣ Его Величества. Все это составляетъ только малую часть археологическихъ богатствъ, извлеченныхъ изъ развалинъ воспорскаго царства. Керченскія древности роскошно издаются нынѣ въ столицѣ; но сочиненіе это не для всѣхъ будетъ доступно, въ особенности потому, что оно написано не на русскомъ языкѣ. Желая угодить моимъ соотечественникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать мою книгу доступною для всѣхъ вообще, я назначилъ за нее самую умѣренную цѣну. Не спрою, что она стоила мнѣ много трудовъ и издержекъ; но желаніе быть полезнымъ заглушило всѣ расчеты. Надѣюсь твердо, что трудъ мой будетъ оцененъ, по крайней мѣрѣ по той пользѣ, которую припесетъ онъ, познакомявъ Русскихъ съ памятниками Грековъ,

найденными въ Керчи. Сочиненіе мое возбудить, можетъ быть, охоту въ молодыхъ моихъ соотечественникахъ къ занятіямъ наукою древностей, наукою тяжкою, но утѣшительною для ума и сердца. Ей обязанъ я лучшими минутами жизни моею. Живю помню, какъ я радовался находкѣ замѣчательныхъ памятниковъ. Всякое новое открытіе въ мірѣ археологическомъ, есть уже высокая награда антикварію за долготѣннй трудъ. Кто этого не испыталъ, тотъ съ трудомъ пойметъ истину моихъ словъ.

На драгоценныя остатки древности долго, долго смѣтрѣли глазами простаго любопытства; съ нѣкотораго однако времени, древность сдѣлалась для многихъ предметомъ глубокаго, систематическаго изученія, основаннаго на непреложныхъ началахъ, составляющихъ огромную науку Археологіи. Статуи, барельефы, рисунки, даже мелочи, — все безъ изъятія, что только носить печать древности, изучается нынѣ съ прилежаніемъ и терпѣніемъ. Европейскіе вѣнценосцы первые поняли важность этой науки и первые ей покровительствовали. Заботливостью царей составились въ столицахъ музеумы, познакомившіе насъ съ образованностію древнихъ, съ ихъ обычаями и религіею. Такъ въ Россіи, первымъ покровителемъ науки древностей является нашъ благодѣтельный Государь; Его высокою милостію и заботливостью Его сподвижниковъ древо Археологіи принялось уже на нашей почвѣ и со временемъ дастъ обильные плоды.

Нельзя къ сожалѣнію не сознаться, что Археологія, не входитъ въ составъ публичнаго преподаванія, тогда какъ она должна бы быть главнымъ основаніемъ прочнаго образованія. Намъ особенно должно бы заняться изученіемъ восточной Археологіи и Нумизматики. По закону природы, все въ этомъ мірѣ имѣетъ свои предѣлы; что возрастаетъ, должно со временемъ уничтожиться, и потому нельзя не назвать дѣломъ благочестивымъ, достойнымъ похвалы, всякій трудъ, имѣющій цѣлю воскресить память о народахъ исчезнувшихъ. Такъ я всегда думалъ и теперь повторяю, что изученіе древности во всѣхъ ея частяхъ очень поучительно, если только не касаться нѣкоторыхъ обрядовъ древней религіи, несогласныхъ съ высокимъ ученіемъ и божественными началами христіанской вѣры. Евангеліе не освѣщало Римлянъ и Грековъ своимъ свѣтомъ; они строго слѣдовали вѣрованьямъ предковъ своихъ и до того были религіозны, что поклоненіе собственнымъ божествамъ казалось имъ не недостаточнымъ: они благоговѣли и къ чуждымъ богамъ востока, особенно египетскимъ. Въ развалинахъ Помпеи и Пуццоліи стоятъ осю пору капища Изиды и Сераписа. И наши пантикапейскіе Греки чтили эти божества, которыхъ глиняныя изображенія мы часто находимъ. Голова Сераписа встрѣчается также на нѣкоторыхъ монетахъ воспорскихъ. Пантикапейскіе Греки принадлежали къ одному общему корню съ народами Великой-Греціи и находились постоянно въ тѣсной связи вообще съ Греками и особенно съ Аѳинянами; слѣдовательно,

гражданское и художественное образованіе Веспора шло, нѣкоторымъ образомъ, на ровнѣ съ аеинскимъ. Вотъ почему я полагалъ не излишнимъ сказать въ § 1 этой книги нѣсколько словъ объ аеинскихъ Грекахъ, объ успѣхахъ ихъ въ искусствахъ и объ ихъ знаменитыхъ памятникахъ. Это послужитъ вступленіемъ въ описаніе памятниковъ веспорскихъ.

Я говорю о Грекахъ и Римлянахъ, какъ о первыхъ нашихъ наставникахъ во всемъ, по крайней мѣрѣ сколько намъ до сихъ поръ извѣстно. Съ нѣкотораго только времени наука древностей принимаетъ новый видъ, новое направленіе и стремится къ разрѣшенію великой задачи, что Этруски, Греки и Римляне обязаны, въ нѣкоторой степени, своимъ художественнымъ образованіемъ — Азіи. Предметъ этотъ такъ важенъ, что онъ конечно не можетъ не казаться занимательнымъ для моихъ просвѣщенныхъ читателей; и потому я охотно помѣщу здѣсь объ этомъ вопросѣ нѣсколько данныхъ, почерпнутыхъ изъ ученой переписки моей съ г. Рауль-Рошетомъ и изъ послѣднихъ его сочиненій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими собственными заключеніями.

Ваза, найденная въ Коринѣ покойнымъ Додвелемъ, подала поводъ къ мысли о существованіи вазъ особеннаго стиля, принадлежавшаго собственно Коринѣу и происходившаго изъ Азіи. Въ послѣдствіи, открытіе въ гробницахъ Вульчи вазъ архаическаго стиля (*style archaïque*), доставило возможность положительно признать въ нихъ происхожденіе дорическое и отнести къ Коринѣу, какъ мѣсту, гдѣ существовала первоначальная фабрика вазъ. Отсюда, вѣроятно, искусство выдѣлки ихъ перешло въ Этрурію, гдѣ и усвоено было жителями ея: въ самомъ дѣлѣ, учрежденіе фабрики вазъ въ Тарквиніи гражданиномъ Коринѣа, Дамаратомъ, сильно подкрѣпляетъ упомянутую догадку. Современные антикваріи почти единодушно заключили, что архаическія вазы дорическаго стиля происходятъ изъ Коринѣа, гдѣ вѣроятно процвѣтала въ глубокой древности фабрика такого рода вазъ, какъ драгоценная ваза Додвеля, которая, по матеріальнымъ и археологическимъ ея элементамъ, имѣетъ непосредственную связь съ Азіею. Г. Рауль-Рошетъ былъ однимъ изъ первыхъ поборниковъ этого мнѣнія, вопреки заключеніямъ нѣкоторыхъ антикваріевъ, а особенно г. Гергарда, который полагаетъ, что упомянутыя вазы — происхожденія египетскаго, но не представляетъ на это никакихъ положительныхъ доказательствъ. Другой антикварій, г. Осаннъ, не только не допускаетъ существованія вазъ финикійскихъ, но даже не вѣритъ возможности, чтобы въ Коринѣ могла быть когда-либо фабрика вазъ. Мнѣніе этого послѣдняго антикварія уничтожается свидѣтельствомъ Плинія (¹), который приписываетъ Коринѣу изобрѣтеніе

(¹) Plin. XXXV, 12, 43.

пластического искусства, и упоминаніемъ Страбона ⁽¹⁾ о найденныхъ въ гробницахъ Коринѳа вазахъ, извѣстныхъ подѣ именемъ *песгосогинѳіа* и бывшихъ въ большой чести у Римлянъ. Кромѣ того, Дифилъ говоритъ также о коринѳскихъ вазахъ — *Κορίνθιοι κάδοι*. Достоверно, что фабрики глиняныхъ вазъ находились почти вездѣ, куда только проникали Греки; слѣдовательно должно согласиться, что онѣ существовали и въ Коринѳѣ — поселеніи, котораго предприимчивый духъ промышленности и изящный вкусъ въ искусствахъ прославлены были Пиндаромъ.

И дѣйствительно, кромѣ вазы Додвеля, мы теперь имѣемъ много глиняныхъ расписныхъ вазъ, найденныхъ въ гробницахъ Коринѳа: всѣ онѣ принадлежатъ безспорно первоначальной фабрикѣ и покрыты краскою свѣтло-желтою, усыяны розетками и фигурами фантастическихъ животныхъ. Рауль-Рошетъ называетъ этотъ родъ вазъ финикійскими, а Мюллеръ финико-вавилонскими. Въ числѣ расписныхъ глиняныхъ коринѳскихъ вазъ, собранныхъ въ Аѳинахъ стараніемъ г. Прокеша, отличается одна, на которой представлено рожденіе Вакха. Сосудъ этотъ драгоцѣненъ, какъ памятникъ первоначальной греческой керамографіи и какъ самое древнее доказательство мифа о рожденіи Вакха.

И такъ существованіе фабрики вазъ въ Коринѳѣ не подлежитъ сомнѣнію. Рауль-Рошетъ доказываетъ, что началомъ своимъ она обязана художественной системѣ азіатской ⁽²⁾. Въ подтвержденіе своего заключенія, этотъ проницательный антикварій приводитъ еще и новое доказательство: это лавровая роза, или розетка, которою украшены вазы коринѳской фабрики, слѣланныя по образцамъ Археологіи вавилонской. Подобныя розетки встрѣчаются на многихъ памятникахъ Нинивіи, открытыхъ г. Ботта, и служатъ главнымъ украшеніемъ фриза изъ жженой глины съ эмалью, который вѣнчаетъ внутреннія комнаты большаго зданія Нинивіи. Рауль-Рошетъ очень основательно замѣчаетъ, что розетки относятся собственно къ вавилонской Археологіи, потому что онѣ не найдены еще ни на одномъ изъ египетскихъ памятниковъ. Розетки, подобныя вавилонскимъ, встрѣчаются часто и на нашихъ пантикапейскихъ вазахъ. Ко всѣмъ этимъ фактамъ, парижскій археологъ присоединяетъ еще и то, что древняя форма финикійской буквы *тау*, находящаяся на монетѣ Газы, совершенно сходна съ изображеніемъ на древнихъ медаляхъ городовъ: Эриксы, Коринѳа и Сиракусы, которые безъ сомнѣнія имѣли торговые сношенія съ Финикійцами. Это же изображеніе замѣчено на двухъ большихъ вазахъ, найденныхъ на островѣ Санторинѣ. Но что всего болѣе возбуждаетъ въ семъ случаѣ любопытство и поддерживаетъ догадки Рошета,

(1) Strabon, I. VIII, p. 381.

(2) Choix de peintures de Pompei (p. 76, 7, et p. 77, I).

то это обломки расписных вазъ, называемых Рауль-Рошетомъ финиійскими, открытыя въ самыхъ древнихъ гробницахъ Кумъ, въ Кампаніи, гораздо глубже гробницъ эпохи эллипской. На обломкахъ этихъ, которые очевидно предшествоуютъ эпохѣ водворенія Грековъ въ Кумахъ, видны изображенія, похожія на финиійскую букву *mau*, о чемъ я говорилъ уже выше. Не смотря на всѣ эти выводы, г. Гергардъ утверждаетъ, что вазы, о которыхъ идетъ дѣло, не финиійскія, а египетскія, потому что на нихъ видно, между прочимъ, изображеніе растенія ледвенца (*fleur de lotus*). Чтобы мнѣніе это утвердилось, надобно бы было сначала доказать, что ледвенецъ принадлежалъ исключительно Археологіи египетской. Между тѣмъ выходитъ противное; растеніе это употреблялось вообще въ Азій и даже въ Индіи, какъ символъ безсмертія. Этруски заимствовали изъ Азій употребленіе ледвенца съ символическимъ его значеніемъ, чему есть много доказательствъ на вазахъ, найденныхъ въ большой гробницѣ Черы и на другихъ вещахъ, гдѣ видѣнъ ледвенецъ или отдѣльно, или совокупно со львомъ, символическимъ животнымъ солнца, съ которымъ ледвенецъ имѣлъ тѣсную иносказательную связь. Г. Гриффи, описавшій вещи, открытыя въ гробницѣ Черы, замѣчаетъ въ нихъ стиль азійскій — персепольскій, а Рауль-Рошетъ относитъ ихъ къ древности ассирійской. Ледвенецъ, какъ символъ безсмертія и какъ начало жизни, принятъ былъ также греческою Археологіею и встрѣчается на многихъ вазахъ: изображеніе это, конечно, заимствовано изъ Азій и скорѣе происхожденія финико-вавилонскаго, чѣмъ египетскаго. Надобно, однако, сказать, что на нѣкоторыхъ этрускихъ и греческихъ памятникахъ дѣйствительно замѣтны слѣды вліянія египетской древности; впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно распространялось и на расписныя вазы. Можно допустить, что посредствомъ торговли, въ Этрурію завезены были нѣкоторыя вещи египетскія, но только случайно; главными двигателями торговли были Финикіяне, а не Египтяне; слѣдовательно, Финикіяне находились въ бо́льшей художественной связи съ Греками и Этрусками, чѣмъ съ Египтянами, не говоря уже о томъ, что связь эта первоначально существовала съ общимъ отечествомъ искусствъ — Малою-Азіею.

Г. Гергардъ, вмѣстѣ съ египетскимъ вліяніемъ, оспариваемымъ Рауль-Рошетомъ, признаетъ, однако, характеръ азійскій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ древняго греческаго искусства. Рауль-Рошетъ первый сталъ поддерживать это заключеніе въ то время еще, когда чистый эллинизмъ господствовалъ въ мнѣніяхъ антикваріевъ. На мысль эту навели его ученые труды Мюллера, Велькера и самаго Гергарда. Многочисленные открытія этрускихъ гробницъ представили Мюллеру возможность усмотрѣнія истины тамъ, гдѣ прежде не подозрѣвали ея, и произвели общій переворотъ въ системѣ Археологіи, переворотъ, поколебавшій древнее основаніе, на которомъ стояли эллинскія

искуства. Теперь остается пояснить важный вопросъ — изъ какого именно азiятскаго источника Греки почерпнули свѣдѣнія относительно искуствъ и какими путями эти послѣднiя распространились въ Греціи? До сей поры, мы не можемъ еще положительно разрѣшить этого. Однакожъ, нельзя не сказать, что Вавилонъ и Нинивія были колыбелью высокой азiятской цивилизаціи, распространившейся на всю Малую-Азію и перешедшей въ Грецію и Этрурію чрезъ посредство Финикiянъ, которые жили на островахъ Архипелага — Мило и Санторинъ, прежде водворенiя здѣсь Грековъ. Такъ первоначально искуство выдѣлыванiя расписныхъ вазъ изобрѣтено было Финикiянами и передано ими Грекамъ Коринѣа, Аѣинъ, Аргоса, Эгины, Мицены и проч. Финикiйскія вазы, какъ сказано уже, были изъ жженой глины и покрывались свѣтло-желтою краскою и символическими изображенiями розетокъ, финикiйскихъ *tau*, кривыхъ (zigzag) и спиральныхъ линий, фигуръ фантастическихъ животныхъ, сфинксовъ, птицъ съ человѣческою головою, химеръ, львовъ, быковъ, оленей и кабановъ. За этимъ разрядомъ вазъ послѣдовалъ подражательный родъ вазъ во вкусъ собственно-эллинскомъ, на которыхъ встрѣчались тѣже элементы, какъ и на финикiйскихъ, но только греко-архаическаго стиля; на нихъ начали изображать сюжеты героическіе — кабанью охоту, что мы находимъ на многихъ вазахъ, найденныхъ въ Греціи и въ Италіи. Подобные сюжеты относятся къ религіозной системѣ азiятскихъ народовъ; изъ этого слѣдуетъ, что хотя Греки, въ главѣ которыхъ стояли Коринѣяне, и усвоили себѣ стиль и вкусъ Археологiи финико-вавилонской, въ сущности же только подражали искуствамъ азiятскимъ. Мы имѣемъ теперь множество вазъ греческихъ, въ рисунокъ которыхъ замѣтно вліяніе азiятскихъ элементовъ; это особенно встрѣчается на тѣхъ вазахъ, которыя приписываются фабрикѣ Коринѣа, по свидѣтельству покойнаго Абскена ⁽¹⁾. Въ числѣ сосудовъ, найденныхъ въ послѣднее время въ Коринѣѣ, находится также ваза, на обѣихъ сторонахъ которой изображена лошадь. По поводу этого изображенiя, Рошетъ входитъ въ новыя любопытныя разсужденiя, имѣющія цѣлю доказать, что въ Коринѣѣ существовала первоначальная фабрика вазъ, называемыхъ финико-вавилонскими. Изображеніе лошади, говоритъ онъ, какъ символа погребальнаго, не требуетъ большихъ поясненiй послѣ всего, что было сказано относительно этого предмета г. Лебасомъ ⁽²⁾, который однако не указываетъ на подобныя изображенiя, погребальнаго смысла, согласующіяся съ классическими свидѣтельствами древнихъ. Этотъ пропускъ, Рошетъ старается пополнить изъясненіемъ рисунка послѣдне-упомянутой коринѣской вазы, и полагаетъ, что дважды

⁽¹⁾ Annali, etc. t. VIII, p. 310.

⁽²⁾ Monuments d'antiq. figur. de la Morée, pl. 62, p. 85, 246.

повторенный на ней конь есть изображеніе еанатосской лошади (cheval de Thanatos), которая, по мнѣнію парижскаго археолога, относится къ основному догмату всѣхъ древнихъ религій о существованіи двухъ началъ: добра и зла. Эту мысль Платонъ выразилъ изображеніемъ двухъ лошадей — доброй и злой. Рошетъ заключаетъ, что подобная идея, чисто философическая, не принадлежитъ собственно одному Платону но, какъ и многія другія его мысли, внушена ему ученіемъ азійскимъ, во время долговременнаго пребыванія его въ этой странѣ. Можетъ быть также, что она родилась въ умѣ Платона отъ существовавшаго въ Аѣинахъ памятника, въ честь воиновъ погибшихъ въ экспедиціи противъ Эракіянъ, на которомъ находилось символическое изображеніе двухъ лошадей: меланопоса и макартатоса. Памятникъ этотъ относится къ эпохѣ Кимона, слѣдовательно основная мысль, по которой изображеніе двухъ лошадей избрано было какъ типъ погребальный, принадлежала глубокой древности. Основываясь на этомъ умозаключеніи, Рауль-Рошетъ имѣлъ возможность объяснить на фрескахъ открытаго въ Корнето гипогея, значеніе двухъ погребальныхъ геніевъ, изъ которыхъ одинъ сидитъ на черной лошади, а другой — на красной. Рисунокъ коринеской вазы представляетъ подобное же изображеніе, въ сокращенномъ видѣ, и служитъ новымъ доказательствомъ, что Этруски заимствовали отъ Коринѣянъ нѣкоторыя фигуры и предметы мифологическіе и приспособили ихъ къ требованіямъ своей цивилизаціи.

Къ этому основному типу, Рошетъ относитъ рисунокъ вазы древняго стиля, покрытый черною краскою и изображающій бюстъ окрыленной богини ночи, у которой на груди нарисованы двѣ лошади ⁽¹⁾, а также и глиняный бюстъ Медузы ⁽²⁾, съ лицемъ Горгоніона, и двумя нарисованными на груди ея лошадьми. Въ сихъ изображеніяхъ Рауль-Рошетъ находитъ тотъ-же погребальный смыслъ, что и въ рисунокѣ на коринеской вазѣ, ибо погребальное значеніе фигуры Горгоніона не подлежитъ болѣе сомнѣнію. На этомъ основаніи онъ объясняетъ еще представленіе двухъ лошадей, по сторонамъ фигуръ Юпитера, Нептуна, и Плутона, на древнемъ сосудѣ Ксеноклеса ⁽³⁾. Слѣдовательно подобное символическое изображеніе, какъ на коринеской вазѣ, прошло чрезъ всѣ періоды глубокой древности, дошло до Римлянъ и было имъ извѣстно, потому что на одной изъ вазъ, найденныхъ въ Апуліи и принадлежащихъ къ эпохѣ упадка художествъ, съ одной стороны представлена лошадь, а съ другой фигура Эфеба, что аллегорически соотвѣтствуетъ общей идеи о смерти, угрожающей человѣку молодыхъ лѣтъ.

⁽¹⁾ Publié par M. le duc de Luynes.

⁽²⁾ idem.

⁽³⁾ Gerhard. Auserlesene griech. Wasenbilder. T. 1, p. 44. 45.